

КРУГЛАЯ СИРОТА

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ВОСПОМИНАНИЯ БУДАГА»)

В селе Горадиз, как и повсюду, мы встретили хороших людей. Не обо всех, а о двух из них рассказать считаю своим долгом.

Наша лачуга стояла во дворе Ибрагим киши. Этот человек и внешне, и внутренне был безупречен. Я в своём селе Вугарлы слышал, что бездетные люди бывают скупы и завистливы. Дядя Ибрагим не имел детей, но был щедрым и добрым. Трижды женился, но ни одна из жён не смогла родить ему ребёнка. Было трудно определить, кто из них старше: стоя рядом, все выглядели одного возраста.

Ибрагим киши называл меня сыном, отца – братом, а мать – сестрой. Не прошло и недели с нашего приезда в Горадиз, он позвал отца к себе:

– Дедекиши, у меня хороший сад и огород. В этом году Аллах послал щедрый урожай. Надо присмотреть, собрать, продать. Сам видишь, я одинок, всего не успеваю. Если поможешь мне, и сам заработаешь, и мой труд не пропадёт даром. – После чего добавил, указывая на меня: – Устроим паренька к русскому врачу переводчиком. А сестра Ненегыз с моими жёнами вместе поработает. Как тебе это предложение?

Глядя на сияющее лицо дяди Ибрагима, отец тоже улыбнулся:

– А что тут ещё думать? Слов нет, предложение выгодное. Как скажешь, так и будет.

Дядя Ибрагим снял свой новый пиджак, надел старый, взял в руки обточенный тесак и обратился к отцу:

– Если тебе не трудно, возьми тесак, повешенный на подпору дома, прихвати две длинные верёвки из чулана и иди за мной. Покажу тебе сад и огород, с людьми познакомлю. – Выходя из калитки, повернулся ко мне:

– Будаг, как вернусь вечером, отведу тебя к русскому доктору.

Жён Ибрагим киши было бы несправедливо назвать соперницами. Они были дружнее, чем родные сёстры. Их жизнь можно было сравнить с жизнью медоносных пчёл. Работу, начатую одной, заканчивала, закругляла другая.

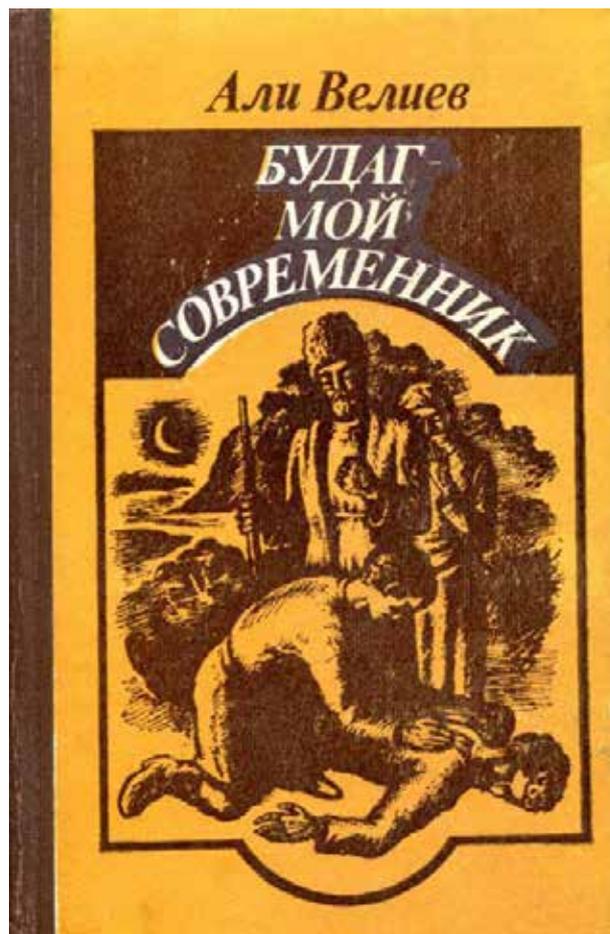
Мать, подсыпав земли, ровняла рытвины пола, глинистым раствором штукатурила неровные стены старой хижины. Наведя порядок внутри

жилья, она вышла во двор, помыла руки, ополоснула лицо.

Подаренный хозяевами большой, старый серый кувшин для воды был тяжёлым. По поручению матери я пошёл к колодцу за водой.

В селе Горадиз мы жили на окраине, а других кварталов я не видел. Горадиз – большое, опрятное и относительно культурное поселение, некоторыми чертами напоминало наше село. И здесь были две мечети. В пяти-шести лавках продавались разнообразные товары. Больше всего меня привлекала молодёжь Горадиза. Потрудившись днём вдоволь, они не уставали, по вечерам собирались на пустыре посреди села и играли в разные игры, веселились и беседовали до поздней ночи.

У каждой поры жизни человека есть свои прелести. Моё детство прошло в нужде. И молодость проходила безотрадно и тускло. Я же хотел, чтоб

молодость моя была радостной, чтобы дни протекали содержательно, а месяцы радужно. Каждый раз при виде отца сердце наполнялось гордостью; по вечерам, глядя на счастливую мать, чувствовал себя выше на целый вершок...

Там, где сливалась вода двух родников, всегда было прохладно и многолюдно. Не задерживаясь, я наполнил кувшин холодной водой и вернулся обратно. Мать с задумчивым лицом сидела у порога. Когда отец или мать становились грустными, я знал, что они вспомнили родное село, скупают по дочерям и внукам. По этой причине я не хотел их видеть грустными. Но что же было делать?..

Мать помогла снять кувшин с плеч, поставила его на место и обратилась ко мне:

– Бедненький ты мой, какой тяжёлый кувшин. Как ты его осилил? – Стряхнув с плеч брызги воды, я спросил:

– Есть разница между этой водой и водой из родника «Алимардан»?

Мать покачала головой, налила из кувшина в чашу и выпила.

– В сравнение с водой колодца «Учгардаш» – очень холодная. Но если сравнивать с водой родника «Алимардан» – это не вода...

Я поддержал этот разговор лишь для того, чтобы отвлечь мать от тяжёлых воспоминаний:

– Как здесь, по душе тебе?

– В Эйвазханбейли Алимардан бек тоже нас

хорошо встретил. В Учгардаше Вели бек так нас принял, я думала, что мы не беженцы. Теперь Ибрагим говорит так, что как будто они с твоим отцом родные братья. Только вспоминаю ненадёжность Алимардан бека и Вели бека, расхождения между сказанного ими в начале и в конце, и уже никому не верю, ни на кого не положусь.

Конечно, надо посмотреть на дальнейшее поведение Ибрагим киши, его теперешние слова сравнить с действиями. Но сейчас было бы опрометчивым расшатать своё положение, повредить хрупкие связи.

Вечером отец принёс вязанку сухих дров, внутри которой были две дыни и арбуз. Я впервые видел дыню и арбуз в такое время года. Мать отнесла дыни домой. Когда я взял арбуз, он выскользнул из рук и разбился. Мать принесла хозяйский лужёный поднос, собрала большие арбузные куски, и мы втроём досыта наелись арбуза.

Я всё ждал, когда же дядя Ибрагим придёт и отведёт меня к доктору.

Дядя Ибрагим пришёл поздно. Хотя его старшая жена ещё заблаговременно сообщила мне, что врач поехал на Молоканский рынок за лекарствами, задержится на три-четыре дня. Эта весть испортила мне настроение.

Врач не очень задержался, вернувшись на следующий же день. Вечером дядя Ибрагим отвёл меня к нему. Семья врача арендовала три комнаты

на верхнем этаже двухэтажного дома. Одна из комнат служила спальней, другая приёмной, третья же кухней. Доктор встретил меня дружелюбно, после беседы по душам сказал:

– Работающий у нас парень по-русски плохо знает, и работа его тоже нас не устраивает. Завтра увольняю его, а послезавтра рано утром приходи сюда. Твоя работа будет состоять в том, что будешь переводчиком между мной и больными, а также помогать жене по хозяйству. Ну, будешь колоть дрова, носить воду, мыть посуду. За это будешь получать сто пятьдесят манатов в месяц. Есть будешь вместе с нами. Если будешь старателен, и мы останемся довольны, то не обидим тебя.

В жизни второй раз лёг спать радостным. Увы, радость оказалась недолгой. К утру заболела голова, поднялась температура. Я был весь в огне. Выпил половину воды из кувшина, но жажда не проходила. Позвали врача. Он внимательно осмотрел меня, спросил у матери, есть ли больные среди соседей. Когда мать подтвердила, доктор тихо произнёс:

– Ребёнок подхватил сыпной тиф, – после чего сказал отцу и матери несколько ободряющих слов и собрался уходить. У дверей повернулся к матери:

– Твоего сына вылечу. Себя и мужа береги. Держитесь от больного подальше. Его посуду держите отдельно...

Сколько дней лежал больным, не могу сказать. Помню, что однажды, открыв глаза, увидел множество людей в нашем доме. Женщины плакали в голос. Мать сидела без платка, с исцарапанным лицом, волосы в беспорядке. Голос её хрипел. Услышал следующее:

– Ты разрушил наш очаг! Ты бросил меня на произвол судьбы! Эх ты, неверный Дедекиши... Разве можно оставить своих детей в вечной тоске?

С трудом терпела разлуку с дочерьми, а теперь что я буду делать?... Эй, люди, эй, народ, ради Аллаха, от души поплачьте, скажите о нём самые хорошие слова, что есть в душе. Дедекиши был аксакалом, уважаемым человеком в народе...

Хотел позвать мать к себе, но пропал голос... Когда молла начал читать суру «Ясин» – зауспокойную молитву, у меня потемнело в глазах. Потом что случилось – не помню...

Однажды ночью проснулся... Мать, всхлипывая, положила руку мне на голову, провела по телу, проверила мою температуру. Когда моя рука прикоснулась к её пальцам, она вздрогнула, тихо произнесла:

– Будаг!

Не отвечая, я начал целовать её пальцы. Мать сильно обняла меня. Чтобы не пугать меня, улыбалась, но явно сквозь слезы... Она благодарила Аллаха за моё выздоровление, а я тихим голосом успокаивал её, ни словом не упоминая о кончине отца.

В течение пяти дней я с трудом вставал с постели, выходил прогуляться во двор. Иногда приходили знакомые, спрашивали о моём здоровье. О смерти отца не упоминали. Видно, опасались, что от страшной вести я снова слягу. А мне и так всё было ясно. Но не знал, где похоронен отец. Поставили ли надгробный камень, написали ли что-нибудь на нём об отце? Я хотел вместе с матерью посетить могилу отца, лицом прильнуть к могильной земле, обнять надгробный камень и целовать его. Но затруднялся сказать об этом матери.

... Однажды женщины пришли к нам и начали плакать, голосили по очереди, рассказывая, как он умирал, как меня звал несколько раз. Я ничего не говорил, молча слушал их и лил слёзы, чтобы угасить внутренний огонь. И тут одна из женщин громко вскрикнула:

– Мальчик только от болезни отошёл. Ради Аллаха, хватит плакать, бедный ребёнок от переживаний снова сляжет!

Все пожилые женщины, обняв меня, целовали, утешали, повторяя одни и те же слова, расходились по своим домам: «Будь здоров. Пусть это будет последним горем твоим. Слава Аллаху, что у него есть наследник».

Мы с матерью остались в полутемной старой хижине вдвоём, обняв друг друга. Она не говорила ничего о причине смерти отца, продолжительности болезни, и лишь выдавила: «Не завтра, а послезавтра у отца сороковины, надо сходить на кладбище. Только не знаю, что делать мне?»

Я решил попросить помощь у дяди Ибрагима для того, чтобы привести могилу в порядок, поставить достойное каменное надгробье. Вечером посоветовался с матерью, и она согласилась. Я уже пошёл было к дяде Ибрагиму, когда к нам во двор вошли доктор с женой, поздоровались, выразили соболезнование. Я поблагодарил их за внимание. После недолгой беседы они собрались уходить, и я настойчиво попросил, чтоб они с нами поужинали. Доктор поблагодарил и сказал, что они завтра должны двинуться в путь, надо собираться. На мой удивленный вопрос ответил: «Врачебный пункт закрыли. Поедем прямо в Баку».

– В Баку дорога открылась? – спросил я.

– Да, уже дней пятнадцать, как открыли.

Я печально вздохнул. Доктор с женой попрощались и ушли. Мать долго смотрела им вслед, пока они не растворились в темноте.

После их ухода я заметил торчащие из-под подушки деньги. Пересчитал, оказалось сто пятьдесят манатов. Узнав об этом, мать сказала:

– Когда отец ушёл в мир иной, они два раза прислали мне деньги, а когда ты был тяжелобольным, ещё три раза. Хорошие люди, дай им Аллах перейти в нашу веру, тогда им цены не будет.

– Да, очень хорошие люди. Видно, поэтому им и не везёт! – Я-то рассчитывал пойти поработать у них, как немного окрепну. Хорошая была работа. Наверное, наша невезучая, несчастная судьба и тут проявилась, и вот они уехали навсегда.

Мать искала повод поговорить со мной. Но я уклонялся, ибо ни о чём не хотел думать, говорить о других проблемах, пока не приведу в порядок могилу отца и не поставлю надгробный камень.

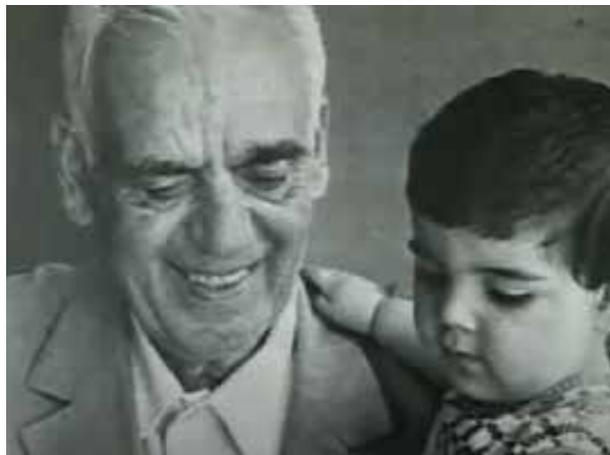
Когда я изложил своё пожелание дяде Ибрагиму, он задумался. Упёршись взглядом в землю, долго смотрел в одну точку; наконец поднял голову и посмотрел на меня:

– Ты опередил меня, сынок. Я собирался это сделать, а ты первый заговорил об этом. Есть у нас с тобой одно затруднение. Кто напишет на надгробном камне?

– В таких делах молла Эхсан мастак. Он напишет.

– Начнём с завтрашнего же дня.

Не прошло и недели, как могилу привели в порядок. Очистили от бурьяна, выложили камнем, поставили высокую надгробную плиту. На лицевой стороне вывели имя, отчество и дату смерти отца. Относительно надписи на другой стороне мнения разделились. Молла Эхсан сказал, что Дедекиши был храбрым человеком, поэтому лучше, чтобы был рисунок ружья. Дядя Ибрагим пожелал, чтоб отца изобразили на коне. Я не согласился с ними:

– Жизнь отца прошла в Баку, он был рабочим. Верхом не скакал, не ходил с ружьём на битву. Рабочие товарищи рассказывали, что когда в Баку Дедекиши со своей чёрной каракулевой папахой в руках шёл впереди них, они никогда с пустыми руками не возвращались. Поэтому прошу на обратной стороне надгробного камня изобразить папаху отца. Отец мой прожил с честью и закончил свою жизнь с достоинством. В наших краях папаха является честью и достоинством мужчины.

Дядя Ибрагим обняв меня, поцеловал в лоб и от души сказал:

– Очаг Дедекиши не погаснет. У кого такой сын, как ты, тот горя не знает.

...Становилось всё холоднее. Дядя Ибрагим был очень занят. То нагрузит арбу виноградом и отправится на Молоканский рынок, то отвезёт арбузы и дыни в Гырахдын.

Я же пока полностью не пришёл в себя. Впрочем, если даже оправился бы, всё равно не смог помочь ему, потому что вначале следовало обговорить с матерью наши дальнейшие действия.

– О смерти отца не спрашиваю, не хочу портить тебе настроение. Через несколько дней у меня ноги совсем окрепнут. Скажи, пожалуйста, мы переедем в Чайлар к девочкам?

Мать кивнула головой настолько медленно, что невозможно было определить, это кивок отрицательный или утвердительный. Я удивился, заметив слёзы, капающие из её глаз. Подумал: ведь она всегда уговаривала отца перебраться к дочерям, так почему же теперь не хочет этого?

Слёзы из серых глаз матери продолжали скатываться по её длинным ресницам; она еле выдавила из себя:

– Сынок, как оставим отца в Горадизе одного? Лучше будет, если ты съездишь и привезёшь сестёр сюда. Пусть Горадиз будет нашим местом погребения. Видимо, нам на роду так написано.

Я не перечил матери и старался немедленно выполнять всё, что она скажет. Мы решили, что когда дядя Ибрагим соберётся в Гырахдын, я поеду на его арбе, а оттуда до Чайлара дойду пешком.

Так и сделали. В Гырахдыне дядя Ибрагим, провозжая меня, настойчиво предупредил, что после Геяна надо быть осторожным – говорят, там много разбойников.

За полтора дня я добрался до селения Гамзали, что на берегу реки Хакяри. Сообщили, что средний зять умер. Сестру похитили, когда поднимались на гору – на летовку. Старший зять вместе с семьёй переехал в Карабах, а младшая сестра находится в селение Ишыглы. Я почувствовал, что эта череда горестных событий раздавила меня. К тому же я только отошёл от тяжёлой болезни. Перенести

подхватил сыпной тиф. У матери были лихорадка и высокая температура. Её болезнь протекала один день легко, а наутро тяжело. Когда зашкаливала температура, она совсем теряла аппетит, только воду пила.

Мать ничего не ела, ей хотелось супа из цыплёнка. У наших односельчан у всех были куры, но никто из соседей не хотел продать мне цыплёнка, и бесплатно тоже не давали. Дверь нашего дома открывал один лишь ветер, никто нашего порога не пересекал. А тут после смерти дяди Ибрагима проявили себя в истинном свете его жёны, которые из-за дележа наследства мужа в день по несколько раз дрались, рвали друг другу волосы, бранились уличными ругательствами. Средняя жена дяди Ибрагима забрала у нас посуду,

столько горя мне было не под силу. Если ещё раз слягу, наверняка больше не встану.

По той же дороге вернулся обратно. Моя поездка и неделю не протянулась. Только за это короткое время горя стало ещё больше, а бремя его невыносимо тяжелее.

В Горадизе услышал, что дядю Ибрагима застрелили на обратном пути с Молоканского рынка, а мать сильно захворала. Я не стал пересказывать матери то, что слышал и видел в Чайларе, а солгал ей, что все живы и здоровы, что в ближайшие дни сёстры соберутся и приедут к нам. Я стал очень пуглив после своей болезни, так что стоило у кого-то появиться даже легкому жару или головной боли, я сразу впадал в панику, мол, такой-то

казан, кувшин для воды, которые он при жизни безвозмездно отдал нам, и при этом заявила матери, что, мол, срочно найдите себе жильё, дом ваш будет продан.

Если добавить к этому событию привезённые мною горестные вести, то бремя всех этих несчастий, конечно же, оказалось бы неподъемным. Меня беспокоили две вещи: во-первых, раздобыть цыплёнка и сварить для матери суп, и во-вторых, раздобыть хотя бы маленький кувшинчик для того, чтобы носить воду. После долгих поисков жена моллы Эхсана дала мне во временное пользование маленькое медное ведёрко. В верхней части Горадиза я купил у одного крестьянина двух цыплят. Когда у матери начиналась лихорадка, я накрывал

на неё все, что находил в доме, но это мало помогало, она не согревалась. Как поднимется температура, так словно солнце весь свой жар передавало в её тело. Бедная женщина громко кричала: «Горю я, воды мне!» Я три-четыре раза в день приносил из колодца в том ведёрке холодной воды и давал матери попить. Она всё стонала: «Всё тело ломит, спина болит, сынок, спаси меня». Но я ничем не мог помочь ей.

У матери температура поднималась через день. Когда болезнь немного отступала, она приходила в себя, успокаивалась и говорила мне: «Была бы сейчас окрошка или довга, несколько ложек поела бы». Исполнить это желание не составляло ни малейшего труда: достаточно было одной чаши мацони и пучка зелени, чтобы приготовить и окрошку, и довгу, и она была б довольна. Я задумался, у кого же попросить мацони. Был бы жив дядя Ибрагим, и окрошка, и довга давно были бы готовы. В Горадизе жило некоторое число людей из нашего села Вугарлы, у некоторых из них имелись дойные коровы. Но никто из них не удосужился угостить нас хоть чашей мацони, миской творога или кружкой молока. Уместно ли было обращаться к ним с какой-то просьбой?.. Надежда была только на чужих. Я отправился в тот квартал, где до этого купил цыплят, купил полведра мацони и вернулся домой. Приготовил окрошку, которую мать съела с удовольствием. Вокруг колодезного арыка собрал свежую мяту и из оставшегося мацони сварил довгу. Мать с аппетитом съела две миски. На лбу у неё выступил пот. Она подозвала меня:

– Сядь рядом, хочу тебе кое-что сказать. – Когда я присел, она обняла меня за шею и зарыдала:

– Об одном молю Аллаха – пусть заберёт меня раньше тебя. Хочу отправиться на кладбище на твоих плечах...

Я перебил её:

– Что тебе хочется, скажи. Деньги, оставленные доктором, пока не кончились.

Мать посмотрела на меня с тоской и глубоко вздохнула:

– За отцом так никто не ухаживал, он ушёл в мир иной с болью в сердце. – И слёзы снова градом полились из её глаз...

Когда я смотрел на мать, сердце кровью обливалось. Она таяла на глазах, как снег на солнце, я терял её. Мне о многом ещё хотелось расспросить

мать, но у неё не было сил долго разговаривать. Я хотел узнать последние слова отца, его завещание, но на вопросы об этом мама отвечала слезами, в результате и сама нервничала, и я расстраивался ещё больше...

Однажды утром я помог умыться матери, перебрал её постель, вскипятил воду в чёрном чайнике, заварил из сухих розовых лепестков ароматный чай. Мать выпила две кружки чая подряд, при этом с благодарностью смотрела мне в глаза и восклицала: «Ох, какой вкусный чай, царство небесное твоему отцу!» Улучив момент, я решил расспросить её и получить долгожданный ответ:

– Мама, ради памяти отца, не расстраивайся! Скажи мне, что отец завещал? Что он сказал напоследок?

Мать, посмотрев на меня, глубоко вздохнула. Вняв моей просьбе, не плакала. Руки спрятав под одеяло, ответила:

– И завещание, и последнее слово его было – береги Будага, не спускай с него глаз!

Мать свято выполняла последнее слово мужа, не спускала с меня глаз. С утра до вечера мы с ней были неразлучны. Чувствуя, что творится в душе матери, я мысленно возвращался в прежние дни, вспоминал жизнь матери в нашем родном селе. Эта трудолюбивая женщина была одной из красавиц села Вугарлы – высокая, статная, цветущая. У неё был широкий лоб, дугообразные чёрные брови, длинные, красивые пальцы. Одевалась просто, но со вкусом, любая одежда подчёркивала её природную красоту. С утра и до вечера работала, ни разу не упоминая об усталости и не жалуясь, как бы много работы не было. Настолько была привычна к труду, что если выдавалась пауза, начинала поли-

вать или подметать двор, чтобы чем-то занять себя.

Теперь же у этой неутомимой труженицы руки тряслись, ноги не ходили. Очень сдала за последние пять месяцев. Руки исхудали, лицо осунулось, под глазами тёмные круги появились, совершенно потеряла аппетит. Смерть мужа стала для неё сильным ударом, а лихорадка окончательно лишила сил. Лишь один раз в день возьмёт в рот кусочек, и всё. Я отнёс цыплёнка в дом к молле Эхсану, его жена приготовила суп. Торопливо, чтобы не остыл, принёс суп домой и начал кормить мать. После пяти-шести ложек она выбилась из сил и откинулась на спину, волосы разметались по подушке. Я ласково спросил:

– Что ещё желаешь? – Она произнесла одно слово:

– Арбуз.

Не теряя времени, я вышел на улицу. Бахчи давно опустели. До рынка далеко, а в лавках арбузов не видно. Стал расспрашивать знакомых. Сосед заметил:

– У двоюродного брата твоей матери хорошие арбузы росли!

Не хотелось идти к ним, но пересилил себя, хотя в успех я верил мало. Пришёл, а он принялся клясться-божиться, что бахча его пуста, а всё, что было, давно съели.

– Но у вас же под боком бахча покойного Ибрагим киши?

Я ушёл не простившись. Куда идти? Домой без арбуза я вернуться не мог. В этот момент кто-то сзади окликнул меня. Я не обернулся. Кому, зачем было звать меня? Снова послышался голос и быстрые шаги за спиной.

– Ты не слышишь, Будаг?

Я обернулся. Меня догнал сын маминого двоюродного брата – с ним мы вместе учились в вугарлинской русской школе. В его руках был арбуз.

– Вот, возьми... Только ничего не говори моему отцу.

Я не знал, как выразить свою благодарность.

– Чтоб тебе никогда не пришлось видеть слёзы на глазах твоей матери! Чтоб никогда ты не знал горя! Будь ты счастлив – не пришлось мне возвращаться к матери с пустыми руками!

Я помчался домой. Разрезал арбуз на две половинки, одну из них освободил от зелёных корок, очистил от косточек и принёс в миске к постели матери. Хоть силы матери были на исходе, она с удовольствием, кусочек за кусочком, смаковала сочную мякоть.

Внезапно у меня закружилась голова, заболела поясница и ноги, всё моё тело начало трястись,

неожиданно появилась жажда. Сколько не старался скрыть от матери своё состояние, не получилось, зубы так громко стучали, что бедная женщина отложила в сторону миску с арбузом, еле приподнимаясь, в слезах спросила:

– Что с тобой, сынок мой? Эта зараза и тебя свалила? Ой, что я говорю, пусть отсохнет мой язык! Не дай бог. Я должна умереть, Всевышний! Береги моего сына...

Я улёгся в постель и накрылся одеялом с головой, чтоб побыстрее согреться. Ночью меня одолевали кошмары, снилось, что куда-то я бежал, кто-то за мной гнался...

Утром я поднял голову и посмотрел в сторону кровати, где лежала мать. Она ещё не проснулась, и я решил не вставать, пока она меня не позовет. И снова сон навалился на меня.

Было совсем светло, когда я поднялся. Посмотрел на мать; она лежала неподвижно, с открытыми глазами и открытым ртом.

– Мама!

Я бросился на колени у кровати и прикоснулся губами к уже похолодевшей руке. Рыдания душили меня. Я ещё не вполне осознавал всю непоправимость случившегося, не хотел верить, что это навсегда...

Я еле дополз до порога, окликнул старшую жену дяди Ибрагима и сообщил о смерти матери, попросил передать молле Эхсану и его жене.

Прошло немного времени, и начали приходить один за другим односельчане. Все задавали один и тот же вопрос: «А чем болела бедняжка?» Я же никого не хотел видеть, ни с кем разговаривать, кроме моллы Эхсана и его жены.

Тем, кто обмывал мать, я отдал её вещи, а могильщику – отцовскую одежду. Мне было физически больно оттого, что саван матери был из грубого, жёсткого полотна. На арбе незнакомого мне человека отвезли тело матери на кладбище. Мать похоронили рядом с отцом.

Из тех денег, что остались ещё у меня, я дал двадцать пять манатов молле Эхсану и попросил его позаботиться о надгробье.

Молла Эхсан сказал, что, по его мнению, хорошо бы высечь на обратной стороне надгробного камня изображение кос. Я ответил:

– Молла, мать моя была не из тех женщин, чья жизнь прошла в заботах о своей красоте. Всю свою жизнь мать работала не покладая рук, и сама вырастила своих детей. Поэтому, если сумеешь, высеки две натруженные женские руки.

После погребения молла Эхсан отвёл меня к себе в дом. Его жена накрыла на стол. Я, как в

тумане, выпил два стакана чая с сушёными плодами шелковицы...

Солнце возвестило о наступлении утра. Только для матери моей больше никогда не взойдёт солнце, больше она не будет жаловаться ни на жару, ни на холод... Мне же надо было начинать жить самостоятельно. Я пересчитал оставшиеся у меня деньги – их могло хватить дня на два. Потом вынес из дома материнскую постель и разложил на земле, чтобы просохла под солнечными лучами.

За спиной послышались шаги. Обернувшись, я увидел моллу Эхсана. Он принёс приготовленный его женой обед. Поставив у двери два небольших казана, заглянул в комнату.

– Тебе нельзя здесь оставаться, Будаг, – сказал он. – Ночи уже холодные, а в доме нет очага. – Он помолчал, а потом решительно сказал: – Вот, у меня несколько зубчиков чеснока. Многие говорят, что болезни не выносят запаха чеснока, – Он протянул мне эти зубчики. – Держи их всегда при себе.

Я не шелохнулся. Он положил чеснок на крышку казана и, уходя, сказал:

– Когда посуда освободится, занесёшь к нам.

Солнце уже садилось, стало прохладно. Над крышами домов стелется дым...

Наступила ночь – последняя моя ночь в жилище, где я пережил смерть отца и матери. Вот он, двор Ибрагим киши, который был так добр к нам! И его уже нет. Ещё я подумал о том, как много смертей за последнее время, которым мне пришлось быть свидетелем.

Мысли роились в голове, не давая заснуть. Как жить дальше? А главное – где?

Рано утром я поднялся к кладбищу, чтобы в последний раз взглянуть на родные могилы. Погладил рукой папаху на могильном камне отца:

– Прощай, отец, прощай, мама! Пока жив – не забуду вас. Хотя буду далеко от ваших могил, но вы – в моём сердце. Память ваша будет мне утешением. И в трудную минуту, и в дни радости я буду помнить о вас. Как я хочу быть достойным и тебя, отец, и тебя, мама! Благословите меня в дальний путь. Очень хочется воздвигнуть над вашими могилами мавзолей, но нет у меня такой возможности. Если бы я остался здесь, то каждый день навещал ваши могилы... Я оставляю вас одних под этим небом. Никогда не забуду твою честность, отец! Никогда не забуду твои руки, мама! Буду стараться быть достойным сыном вашим...

Перевод Абузара Багирова